
**КИТАЙ:
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-5-16

**КИТАЙ НАКАНУНЕ 20-го СЪЕЗДА КПК
("Ядро партии", "новая биполярность", экономика замедления)**

© 2022 г. В.В. Михеев, С.А. Луконин

*МИХЕЕВ Василий Васильевич, академик РАН,
ORCID 0000-0002-6844-3196, mikheev@imemo.ru
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

*ЛУКОНИН Сергей Александрович, кандидат экономических наук,
ORCID 0000-0002-8120-0420, sergeylukonin@mail.ru
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

Статья поступила 20.01.2022. После доработки 21.02.2022. Принята к печати 05.04.2022.

Аннотация. Внутриполитическое и экономическое развитие КНР в конце 2021 – начале 2022 г. подчинено подготовке страны к проведению 20-го съезда КПК, на котором полномочия Генерального секретаря Си Цзиньпина предположительно должны быть продлены на третий срок. Исходя из этого, Пекин усиливает внутреннюю пропаганду для обеспечения политической стабильности, а для поддержания социально-экономической – продолжает реализовывать активную и наступательную внутреннюю экономическую политику. В рамках этих процессов на 6-м Пленуме ЦК КПК 19-го созыва принимается "третья историческая резолюция", по сути оформившая монополию Си Цзиньпина на политическую власть и сделавшая его, наряду с Мао Цзэдуном, еще одним "человеком номер один" в истории КПК.

Ключевые слова: мировая экономика, международные отношения, Китай, внешняя политика, экономическая модель развития, российско-китайские отношения.

**CHINA ON THE EVE OF THE 20th CPC CONGRESS
("The Core of the Party", "New Bipolarity", The Economy of Deceleration)**

*Vasily V. MIKHEEV,
ORCID 0000-0002-6844-3196, mikheev@imemo.ru
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.*

*Sergei A. LUKONIN,
ORCID 0000-0002-8120-0420, sergeylukonin@mail.ru
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.*

Received 17.01.2022. Revised 21.02.2022. Accepted 05.04.2022.

Abstract. In the last quarter of 2021, a number of important events that consolidated the previously outlined trends in China's development took place but with new significant nuances. In early November, the 6th plenary session of the 19th CPC Central Committee was held in Beijing, at which, in the official interpretation of the Communist Party of China, the "third historic resolution" was adopted. In fact, it formalized Xi Jinping's monopoly on political power on the eve of the 20th CPC Congress scheduled for autumn 2022, at which Xi is planned to be re-elected as the CPC General Secretary for a third term. In mid-November, an online Summit of Xi and Joe Biden took place, confirming the current course of both sides to develop relations with a "new bipolarity in the context of globalization" emerging around the Sino-American confrontation. In December, the white paper titled "China: Democracy That Works" was published in Beijing. In parallel with the increasing intensity and scale of China's propaganda and diplomatic offensive, it revealed a new detail in Beijing's approaches to bipolar confrontation with the United States – namely, the inclusion of the topic of "democracy" and "value orientations" of world development in the sphere of confrontation. New peculiarities have emerged in the economy. At the December economic meeting of the CPC Central Committee, the views of the Chinese leadership on the country's near economic future were presented to the public much more cautiously than before. In Chinese foreign policy propaganda, the role of China's main partner in the fight against American hegemony, through which Beijing seeks to strengthen the "Chinese pole" of the "new bipolarity", is assigned to Russia. In addition to the growing volumes of economic and military cooperation and political interaction, Beijing counts on Moscow's support in matters significant for active Chinese diplomacy in promoting Chinese

ideas of democracy and the “Community of Common Destiny for Mankind” theory as the most important universal reference point in the world ideological and political space.

Keywords: world economy, international relations, China, foreign policy, economic development model, Russian-Chinese relations.

About authors:

Vasily V. MIKHEEV, Doctor of Economics, Full Member of RAS, Member of Directorate, Head of Research, Center for Asia Pacific Studies.

Sergei A. LUKONIN, Candidate of Economics, Head of Section.

ВСТУПЛЕНИЕ

В конце 2021 г. произошло несколько знаковых событий, которые закрепили уже ранее обозначившиеся тенденции в развитии Китая, но при этом с существенными нюансами.

Первое. В начале ноября в Пекине прошел 6-й Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва, на котором была принята в официальной партийной трактовке “третья историческая” резолюция, по сути оформившая монополию председателя КНР и генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на политическую власть в преддверии намеченного на осень 2022 г. 20-го Съезда КПК [ист. 1].

Второе. В середине ноября состоялся онлайн-саммит Си Цзиньпина и президента США Джо Байдена, подтвердивший нынешний курс обеих сторон на развитие отношений при “новой биполярности” в условиях глобализации, формирующейся вокруг китайско-американского противоборства [1].

Третье. В декабре в Пекине при огромной пропагандистской поддержке партийного аппарата выходит китайская “Белая книга по демократии”, что параллельно с нарастающим по интенсивности и масштабности пропагандистски-дипломатическим наступлением Китая выявило также и нюанс в подходах Пекина к биполярному противоборству с Вашингтоном [ист. 2], а именно включение в сферу конфронтации темы “демократии” и “ценностных ориентиров” мирового развития.

Четвертое. Еще один нюанс связан с экономической сферой: прошедшее в декабре заседание ЦК КПК по экономической работе в 2022 г. продемонстрировало значительно более осторожные, чем раньше, и даже более пессимистичные взгляды китайского руководства на ближайшее экономическое будущее страны [2].

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Внутриполитическое развитие Китая подчинено проведению 20-го съезда КПК, на котором Си Цзиньпин, как предполагается, должен быть избран на третий срок в качестве генерального секретаря ЦК КПК, что, хотя формально это и не

запрещено в уставе партии, идет вразрез с “заветами” Дэн Сяопина и что в свое время не смогли сделать предшественники Си Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао.

В этом контексте присвоение статуса “третьей исторической” резолюции ноябрьского Пленума имеет вполне конкретный смысл и означает вступление КПК в новейший этап своего развития. “Первая историческая” резолюция Пленума ЦК КПК была принята в 1945 г. при Мао Цзэдуне и провозглашала курс на создание Китайской Народной Республики. “Вторая историческая” резолюция была принята при Дэн Сяопине и датируется 1981 г., когда Дэн осудил “культурную революцию”, но в то же время отдал должное заслугам Мао за создание КНР и начало индустриализации страны.

Нынешняя “третья историческая” резолюция объявляет Си “ядром партии” (а не только “ядром ЦК”, как это было сделано в 2016 г.), поднимая его на исторический уровень, сравнимый с уровнем Мао и Дэна. Си наряду с Мао фактически становится еще одним “человеком номер один” в партийной истории, поскольку его внесенные в устав КПК идеи о “социализме с китайской спецификой в новую эпоху” носят более актуальный характер, чем идеи Дэна о просто “социализме с китайской спецификой”, относящиеся к прежней эпохе.

Новая роль Си в партии и китайском обществе выходит за рамки самого Китая. В документах 6-го Пленума ЦК КПК 19-го созыва особо подчеркивалось, что “под руководством Си” Китай уже доказал свою способность “руководить миром”, а идеи Си о “сообществе единой судьбы человечества” стали “ориентиром человеческого развития”.

После Пленума в Китае разворачивается мощнейшая идеологическая кампания по изучению идей Си Цзиньпина, охватывающая не только партийные ячейки и членов партии всех уровней, но и университеты и даже школы [ист. 3]. В ходе занятий до населения настойчиво доводится мысль о том, что все сегодняшние социально-экономические успехи Китая связаны с именем самого Си. В своем предновогоднем выступлении на открытии Конференции по международной ситуации и китайской дипломатии в 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И особо подчеркнул, что

своими внешнеполитическими успехами Китай обязан “руководству Си” (*не партии*) [ист. 4].

Вместе с тем в обществе, а также в рядах партийного руководства, естественно, есть люди, недовольные формирующимся “культулом личности” Си Цзиньпина и сохранением за ним поста генерального секретаря на третий срок. Хотя они и не выступают против Си открыто, высшее партийное руководство знает о потенциале несогласия и предпринимает свои шаги, чтобы не допустить критики Си на партийном съезде [ист. 5].

На таком фоне в конце 2021 г. в Китае, особенно в китайской блогосфере и на разнообразных медиаплатформах, заметно активизировались так называемые новые левые, отражающие мнение части китайского общества и китайских интеллектуалов, которые не довольны растущим социальным расслоением и нарастающим финансовым и имущественным разрывом между “новыми богатыми” и “остающимися бедными” [3].

Новые левые, вероятно, не совсем правильно восприняли слова Си, сказанные им в августе 2021 г. на 10-м заседании Центральной комиссии по финансовым и экономическим вопросам относительно “всеобщего процветания” и необходимости для богатых делиться с бедными, причем не только через более высокие налоги для первых, но и через увеличение частных и корпоративных пожертвований и финансирования частными корпорациями благотворительных фондов [ист. 6].

Левые увидели в этом отход Си от вброшенного в свое время тезиса Дэна “обогащайтесь” и его замену тезисом для *новой эпохи* “делитесь”. Наиболее радикальные представители левых публикуют сообщения, в которых говорят о необходимости и неизбежности для КПК и лично Си, если они хотят получать поддержку от общества, вернуться к временам “уравниловки” при Мао и “раскулачить олигархов”.

В правительстве Китая увидели в такого рода публикациях риски для развития частного бизнеса и в без того сложных пандемических и санкционных условиях. Правительственные верхи предприняли своего рода идеологическую контратаку, в своих многочисленных заявлениях повторяя по сути одну мысль о том, что рыночные реформы в Китае необратимы, возврата к временам “уравниловки” быть не может, частная собственность остается главным драйвером экономического роста КНР [4].

В то же время партийное руководство не спешит покончить с “леваками” и заблокировать их работу в интернет-пространстве. Можно предположить, что это не “боязнь левых” и не попытка заигрывать с ними, а, скорее, сигнал тем, кто оста-

ся не согласным с решениями последнего Пленума ЦК КПК, направленными на укрепление единотначалия Си. Партийное предупреждение несогласным можно выразить примерно так: «Смотрите! КПК продолжает рыночные реформы и развивает частную собственность. Но есть риски усиления позиций “леваков” на 20-м съезде партии. От этого всем нам будет только хуже!».

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОНФРОНТАЦИЯ

Китайско-американские отношения, как отмечалось выше, продолжают развиваться по логике “новой биполярности” в условиях глобализации. Ноябрьский саммит не внес в этот процесс принципиально новых элементов. На высшем уровне стороны “не жгут мосты”, обозначая готовность к сотрудничеству при соблюдении своих интересов, прежде всего в вопросах климата и контроля над ядерными вооружениями.

В качестве главного результата саммита можно отметить то обстоятельство, что это была первая встреча двух лидеров “лицом к лицу” и это шаг к взаимопониманию. Си скорее проявил большие желания к компромиссам, выступив с идеями “мирного существования” и “взаимовыгодного сотрудничества”, тогда как Байден делал акцент на “ответственном партнерстве” двух стран с тем, чтобы их взаимоотношения не переросли в открытый конфликт. Председатель КНР позволил себе такое выражение по отношению к США, как “старый друг”, вспомнив о китайско-американской эскадрильи “Летающие тигры”, которая воевала против японцев во Второй мировой войне [5].

Видимо, китайская сторона осталась больше довольна итогами встречи. Пекин, оценивая ее итоги, исходит из того, что отношения между странами находятся на развилке, поэтому важна каждая встреча, причем не только для двусторонних отношений, но и для всего мира. Си особо подчеркнул “глобальную ответственность”, которую несут Китай и США, оттенив тем самым новый, в понимании Пекина, мировой статус Китая [ист. 7].

Американская реакция была более сдержанной: хотя у двусторонних отношений есть большие возможности, но при этом каждая страна подчеркивает преимущества своей системы, а главное сегодня — избегать случайных конфликтов [ист. 8].

Вместе с тем необходимо отметить как позитивные ожидания, так и груз проблем, которые остались после саммита. К первым относятся договоренности о военных связях на высоком уровне, облегчение визового режима для журналистов и бизнесменов, намерение сторон продолжать сотрудничество по климату, вырисовывающиеся

перспективы преодоления торгового кризиса, которые китайцы связывают с улучшением общей атмосферы двусторонних отношений, хотя и признают, что такие перспективы весьма туманны.

В китайской интерпретации Байден сделал реверанс в сторону Пекина по вопросу Тайваня, подчеркнув неизменность американской позиции, которая состоит в признании только “одного Китая” [6].

Среди не решенных или даже не решаемых проблем такие традиционные темы, как соблюдение Китаем прав человека, ситуация в Гонконге, Синьцзяне, Тибете, так называемый дипломатический бойкот Олимпиады в Пекине, военная активность Китая в Южно-Китайском море и, главное, продолжающееся давление США на КНР в сфере высоких технологий.

Наиболее значительными договоренностями стали довольно неожиданное китайско-американское Соглашение по климату, а также подписание и США, и Китаем, наряду с Россией, Великобританией и Францией Совместного заявления лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений.

Во время визита специального представителя президента США по вопросам климата Джона Керри в Китай в сентябре 2021 г. для переговоров по климату Пекин не пошел на американский вариант сотрудничества. Китайское руководство выдвинуло два требования (именно требования, а не просьбы) к США. Первое – улучшение отношений по всему комплексу китайско-американских отношений, поскольку в условиях общего негативно-го состояния двусторонних отношений не может быть эффективного сотрудничества по отдельно взятой теме. Второе – признание Соединенными Штатами того, что у КНР может быть свой план выполнения принятых обязательств в области защиты окружающей среды и создания углеродно-нейтральной экономики. Китай не обязан работать по американскому сценарию в этой области [7].

Подписание Совместного заявления и Вашингтон, и Пекин расценили как возможность вернуть соперничество в ядерной сфере в направлении координации и сотрудничества [ист. 9].

Однако в этом вопросе сохраняется множество “подводных камней”. КНР продолжает наращивать и совершенствовать ядерные вооружения. США видят в этом угрозу и хотели бы видеть Китай участником двух- или многосторонних переговоров о сокращении ядерных вооружений. Последний занимает здесь прежнюю позицию – о поэтапном ядерном разоружении, в первую очередь подразумевающую, что сначала Соединенные

Штаты и Россия должны сократить свой ядерный потенциал до китайского уровня.

КНР И ЯДЕРНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Новая активность Пекина вокруг ядерной тематики вызывает сегодня интерес мировых экспертов к тому, что собой представляет ядерный Китай. Среди множества вопросов мы выделим лишь несколько.

- Стратегическая культура КНР в отношении ядерного сдерживания.
- Как Китай воспринимает другие ядерные державы и свое место среди них?
- Какова роль ядерного оружия, размещаемого им на ракетах средней и меньшей дальности?
- Китай и контроль над ядерными вооружениями.

В размышлениях на эти темы хотелось бы отметить следующие моменты.

Первое. Сегодня Китай переходит к новому этапу развития, который в контексте ядерной темы характеризуют два главных нюанса: возросшие финансовые и технологические возможности наращивания ядерного потенциала и смена внешне-политической стратегии. Раньше вопрос ставился так: “скрывать возможности и держаться в тени”, а в практическом плане главное – улучшать связи с соседями ради экономического роста. Сейчас иначе: влиять на мир и быть мировым лидером, наравне с США, в экономике, политике, сфере безопасности, военной и ядерной мощи.

Второе. Вслед за сменой этапов развития в Китае происходят изменения в политической культуре. Сейчас и на среднесрочную перспективу, пока страна отстает от США и России по ядерному потенциалу, Пекин исходит из принципа ненанесения ядерного удара первым. Внедряемая через различные каналы в мировое аналитическое сообщество, в том числе и с целью запугивания сепаратистских сил на Тайване, угроза применения ядерного оружия сегодня служит именно целям запугивания, а не реальной угрозой. Одно из последних заявлений китайского правительства о том, что НОАК хватит несколько минут, чтобы захватить Тайвань, но Пекин не форсирует объединение, отражает, как представляется, не маскируемый, а реальной подход Пекина к ситуации в проливе [8].

В то же время с культурологической точки зрения теоретически (но не практически сегодня) возможно и иное прочтение намерений Пекина. Впервые, Тайвань – не другое государство, а часть Китая. Поэтому, с позиции именно политической культуры, не реальной политики, применение

ядерного оружия против Тайваня не нарушает принципа не использовать его первым. Во-вторых, опять же теоретически и в отдаленной перспективе (если не будет создано реальных механизмов контроля над ядерными вооружениями с участием Китая), принцип “не применять первыми” может означать следующее: не ждать, пока по тебе ударят, а нанести предвосхищающий события упреждающий удар, когда угроза станет реальной.

Третье. В плане ядерного потенциала Китай, естественно, понимает, что значительно уступает здесь и РФ, и США. По мере же наращивания ядерной мощи он воспринимает себя как ядерную державу № 3, превосходящую Великобританию и Францию и приближающуюся к уровню первых двух государств. В этом видится важнейшая составляющая современной позиции Пекина. Главные реальные угрозы безопасности, требующие подключения ядерного фактора, связываются, как было отмечено, с ситуацией вокруг Тайваня. На военно-политическом уровне, в китайском восприятии, главная гипотетическая угроза ядерного удара по Китаю исходит, естественно, от США. Угроза от России сегодня в политическом контексте не рассматривается. Хотя, возможно, на сугубо военном уровне, в каком-нибудь “совершенно секретном” документе подобный сценарий может фигурировать.

Четвертое. Взгляды Пекина на ядерный паритет и минимальное сдерживание меняются вслед за ростом китайской совокупной мощи. Раньше акцент делался на втором аспекте. Сегодня военная мысль смещается в сторону паритета. Именно с ним традиционно связывается готовность Китая к переговорам по стратегической стабильности. После саммита с Байденом Си заявил о готовности рассмотреть вопрос о вступлении в переговоры с США по ядерной проблематике. Фактор РФ не акцентировался.

Отдельно необходимо сказать несколько слов о Северной Корее. Здесь позиция Пекина совпадает с позицией Вашингтона и Москвы и находится в русле резолюций СБ ООН. Ядерная Северная Корея абсолютно неприемлема для Пекина.

Пятое. Вопрос создания и использования РСМД в свете сказанного выше рассматривается прежде всего в контексте ситуации вокруг Тайваня. При этом, повторимся, Тайвань не воспринимается как иностранное государство. В любом случае, на наш взгляд, использование ядерных РСМД в проливе — это, скорее всего, шанс последней надежды в трактовках китайских аналитиков.

Шестое. В отношении контроля над ядерными вооружениями в китайской позиции просматриваются два аспекта. Первый — в отношении других стран (кроме США и России) Китай в принципе

готов работать по контролю над ядерными вооружениями. Это отвечает его стратегическим интересам нового этапа развития, состоящим в обеспечении своего экономического, технологического и на этой основе политического лидерства в мире. Для этого КНР нужна стратегическая стабильность.

Второй (об отношениях с США и Россией) — более сложный. Как мы уже отмечали, позицию Китая здесь можно охарактеризовать как переход от статики к некоторой динамике. Достижение и реализация договоренностей возможны, помимо прочего, только при открытии Китаем данных о своих ядерных потенциалах. На это он пока не готов. Однако последние слова Си о готовности “подумать” о вступлении в переговоры по ядерной проблематике могут придать новую динамику китайской позиции.

Здесь многое зависит от того, как будут развиваться переговоры Китая с Соединенными Штатами по стратегической стабильности. Пока понятно только одно: КНР, если и пойдет на такие переговоры, то только в двустороннем формате с США. Важно учитывать и заявленную позицию Пекина: у него есть свои каналы и своя повестка дня в отношениях с Вашингтоном. Пекин может использовать поддержку тех, кто открыто выступает на его стороне. Но обсуждать с кем-то или использовать посредничество кого-то не отвечает китайским интересам ни в целом, ни в вопросах стратегической стабильности.

На других уровнях политического и экономического противоборства конфронтация двух стран продолжает набирать темп.

Соединенные Штаты цементируют свой стратегический подход к Китаю, по выражению Байдена, как к самому серьезному конкуренту. Китайский “авторитаризм”, в американской риторике, “агрессивная внешняя политика”, “вмешательство государства в экономику” и “авторитарная стратегия” “Пояса и Пути” трактуются Вашингтоном в самом широком смысле как угроза международной стабильности и безопасности [ист. 10].

В политике США наиболее явственно акцентируются угрозы региональной безопасности. В американском понимании они исходят из нарастающей военной активности Пекина в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе. Предполагается, что в среднесрочной перспективе КНР может занять место РФ в качестве главного оппонента США в области ядерных вооружений.

Китай начинают также обвинять в отходе от обязательств по линии ВТО по проведению рыночных реформ и политики открытости. В мировое идеологическое пространство вбрасываются идеи о том, что он “чужой” Западу и миру не толь-

ко в политике — китайский авторитаризм, но уже и в экономике — отход от реформ и переход к автаркии [ист. 11].

США предпринимают практические шаги по укреплению проамериканских военно-политических форматов в Индо-Тихоокеанском регионе. В сентябре 2021 г. прошел первый Саммит *QUAD* (*Quadrilateral Security Dialogue*)¹. На нем речь шла о сотрудничестве в экономической, социальной, пандемической и тому подобных областях, направленном на создание альтернативы китайской активности в регионе [9].

Вместе с тем Вашингтон остается неудовлетворенным тем, насколько данный формат готов к военно-политическому сдерживанию Китая. В частности, сомнения вызывает позиция Индии. Нью-Дели опасается дополнительного раздражения Пекина, наращивающего в последние месяцы свои вооруженные силы на индийско-китайской границе, а также и возможного, в понимании индусов, недовольства со стороны Москвы, на военное сотрудничество с которой, включая поставки новейших систем С-500, Индия сильно рассчитывает.

Пока нет признаков того, что в США зарождается разочарование *QUAD*. Однако, вероятно, Вашингтон все же боится и в целях оказания дополнительного нажима на Пекин идет на создание нового формата *AUKUS*² с ярко выраженной военно-политической составляющей. Целью последнего объявляется сдерживание военной и политической активности Пекина на Индо-Тихоокеанском пространстве. Участие Лондона в неевропейском формате, по всей видимости, обусловлено стремлением Великобритании найти экономические и политические альтернативы в Азии сотрудничеству с ЕС после Брексита. Одновременно со вступлением в *AUKUS* Британия подает и заявку на присоединение к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП, *Trans-Pacific Partnership, TPP*), объединяющему 11 азиатско-тихоокеанских государств (без США).

Пекин ожидаемо негативно отреагировал на формат *AUKUS*, обвинив США в создании нового фактора дестабилизации региональной безопасности. В то же время необходимо отметить, что пока конкретные цели и действия нового формата не прояснены. Можно осторожно предположить, что *AUKUS* вообще был создан специально для того, чтобы перехватить англосаксонскими силами у Франции многомиллиардный проект по строительству атомных подводных лодок для Австралии. При этом повышенный до трехстороннего военно-

политического формата статус ядерного сотрудничества Англии, США и Австралии должен был смягчить легко ожидавшийся гнев Франции и всего Евросоюза от потери контракта.

В то же время, несмотря на общее ухудшение атмосферы американо-китайских отношений, США “не жгут мосты” — что отражает различные подходы американских политических и бизнес-элит к Китаю. И это не только упоминавшийся выше ноябрьский саммит. Выступая на ГА ООН в сентябре 2021 г., президент Дж. Байден заявил, что не хочет новой холодной войны с Китаем [10]. В традиционном поздравлении КНР с 72-й годовщиной со дня ее создания госсекретарь Э. Блинкен использовал такие слова, как пожелания “счастья и процветания” китайскому народу [ист. 12]. Это может быть расценено как положительный сигнал аналогично восстановлению в начале октября 2021 г. многих нарушенных каналов общения между различными ведомствами Китая и США, а также заявленное осенью 2021 г. намерение Вашингтона вывести из-под высоких тарифов ряд китайских товаров (перечень пока не уточнен).

В американских экспертных кругах высказываются идеи о том, что так называемый *decoupling* американской и китайской экономик существует больше “в головах антикитаистов”, чем в реальности, а глобализационная взаимозависимость делает вообще невозможным прекращение экономического сотрудничества двух государств [11].

КИТАЙСКИЙ ОТВЕТ

Ответ КНР на действия США на китайском направлении также выглядит двухуровневым. На высшем, президентском уровне, как это показал ноябрьский саммит, Пекин акцентирует стремление к восстановлению связей и сотрудничеству. На более низких, правительственном и аналитическом уровнях он действует в ином направлении — выстраивая новую жесткость по отношению к США и странам Запада. Китай усиливает давление на Запад и параллельно выдвигает новые идеи и инициативы не только по вопросам торговли, экономики и политики, но и по более широким стратегическим темам.

Развивая китайские идеи для всего мира под заголовком “сообщества единой судьбы”, Си Цзиньпин на сентябрьской сессии ГА ООН выступил с новой глобальной инициативой, которая примерно так и называется — “инициатива глобального развития” [12]. Конкретные идеи пока не прояснены до конца. Но в целом речь идет о китайском лидерстве в создании единого мирового сообщества без американского диктата, на принципах

¹ Четырехсторонний диалог по безопасности между США, Японией, Индией и Австралией.

² *Australia, United Kingdom, United States* — Австралия, Великобритания, США.

невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды.

Влияние “новой биполярности” в условиях глобализации на ситуацию в АТР представляется в следующем варианте.

Во-первых, Китай постарается нарастить политическую активность и укрепить свои позиции в форматах без американского участия.

Приоритет будет отдан Всестороннему региональному экономическому партнерству (ВРЭП, *Regional comprehensive economic partnership, RCEP*)³, формирующемуся вокруг АСЕАН. Китай ратифицировал принятые на себя обязательства и заявил о готовности их выполнять с 1 января 2022 г. Цель Китая – показать преимущества китайского рынка, инвестиций и технологий по сравнению с американскими и японскими.

Второй приоритет Китая – ТТП. В пользу этого говорит поданная Китаем заявка на вступление в него. Цель та же – добиться углубления сотрудничества стран партнерства с Китаем и за счет расширения глобализационной взаимозависимости упрочить свой “полюс” в “новой биполярности”.

Третий приоритет – формат СВА-34. Здесь продвижение китайских инициатив будет минимальным. Военно-политические обязательства Японии и Южной Кореи перед США в условиях “новой биполярности” будут скорее тормозить реализацию идеи зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии.

Вне зоны АТР Китай начиная с середины 2021 г. делает акцентированную ставку на повышение статуса формата “Центральная Азия 5 + Китай”. В формат входят центральноазиатские страны ШОС и Туркмения. Формат не предусматривает участие России и создается вне рамок ШОС.

В формате АТЭС, куда входят и США, и Китай, последний будет стремиться играть с американцами “вничью”, ограничиваясь общими призывами к открытости и сотрудничеству и резервируя инициативы и финансы для форматов без Соединенных Штатов.

Вашингтон в политике противодействия Пекину и укрепления своего “полюса” “новой биполярности” делает ставку на более расширенные фор-

³ Это соглашение о “зоне свободной торговли плюс”, охватывающее 10 государств – членов АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и пять государств, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле (Австралия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония).

⁴ Соглашение о создании зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии с участием Китая, Японии и Южной Кореи.

маты, выходящие за рамки АТР, – *QUAD* и *AUKUS*. В развитие этой темы США наращивают усилия по привлечению союзников, на данный момент прежде всего Японии и Франции, к стратегии военно-политического сдерживания Китая в АТР. Токио идет на увеличение расходов на содержание американских военных сил на своей территории, заключает соглашение с США о развитии новейших космических технологий, договаривается с Австралией о военно-морском сотрудничестве в регионе. Соединенные Штаты продолжают выдавливать китайские компании со своего фондового рынка, расширять ограничения на использование китайских технологий связи пятого и шестого поколений.

Китайский ответ конца 2021 г. является фактически продолжением той линии на укрепление “китайского полюса” противостояния, которая формировалась в течение всего ушедшего года. В геополитическом плане приоритеты прежние: АСЕАН (укрепление китайских экономических позиций в рамках инициативы “Пояса и Пути”), Восточная Африка (строительство портов с целью выхода к Красному морю, Суэцкому каналу). Свой первый в 2022 г. зарубежный визит министр иностранных дел КНР Ван И совершил в Эритрею, Кению, на Коморские острова. Западная Африка – территория, где Пекин ищет возможности для строительства военного порта в целях ослабления военно-морской гегемонии США в Атлантике, новом для Пекина геополитическом регионе. Китай начинает попытки использовать фактор нынешнего канцлера Германии с тем, чтобы улучшить отношения с ЕС и сгладить тот негатив, который сформировался из-за китайско-литовского конфликта по вопросу о названии представительства Тайваня в Литве (Литва пошла на неприемлемый для Китая вариант – представительство Тайваня, тогда как в других странах используется иной – представительство Тайбэя). КНР, продолжая не признавать присоединение Крыма к России, возобновляет многомиллиардную программу инвестиций в инфраструктуру Украины.

Традиционным направлением китайской политики укрепления “китайского полюса” биполярности является Центральная Азия, куда в рамках стратегии “Экономического пояса Шелкового пути” продолжают направляться огромные финансовые и технологические ресурсы. Однако в конце 2021 – начале 2022 г. Китай сталкивается на Центральноазиатском геополитическом пространстве с новыми вызовами: создание под лидерством Турции Организации тюркских государств (Турция, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, плюс – Туркменистан и Венгрия в качестве наблюдателей) и трагические события в Казахстане в начале 2022 г.

Пекин, отталкиваясь от того, что уйгурский язык также имеет тюркские корни, опасается, что более активная роль Турции в Центральной Азии может привести к политической дестабилизации и росту военной напряженности в этом регионе в негативном для Пекина варианте.

В китайской внешнеполитической пропаганде роль главного партнера Китая в борьбе против американского гегемонизма, за счет которого Пекин стремится укрепить “китайский полюс” “новой биполярности”, отводится России. Кроме нарастающих объемов экономического, военного и политического сотрудничества, Пекин рассчитывает на поддержку РФ в значимых для его активной дипломатии вопросах продвижения в мировое идеологическое и политическое пространство китайских представлений о демократии и теории “сообщества с единой судьбой” как важнейшего общечеловеческого ориентира.

ДЕМОКРАТИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

В рамках биполярного противоборства с США Китай к концу года определенно вышел на новое поле соперничества — тематику идеологии, демократии и ценностей. В декабре 2021 г. в Пекине вышла в свет “Белая книга по демократии”, в которой содержится жесточайшая критика американской политической системы. Китайская позиция сводится к следующему:

- демократия является всеобщим достоянием;
- ни одна страна не может считать, что правильная демократия существует только в ее интерпретации;
- каждая страна по-своему трактует демократию — с учетом исторических традиций и конкретной социальной и политической обстановки [ист. 13].

Китай называет это “собственной демократией” — своего рода аналог понятию “суверенная демократия”, которое десятилетие назад вбрасывалось, но не прижилось в российском идеологическом пространстве.

Китай объявляет свою демократию лучшей по сравнению с американской, поскольку она ставит во главу угла “интересы народа”, Китай не вмешивается во внутренние дела других стран и не навязывает свою демократию и свои ценностные стандарты другим странам.

В “Белой книге” Пекин противопоставляет свою “правильную” демократию американской — “неправильной”. По сути, он контратакует Вашингтон, который говорит о китайском “авторитаризме” как об аргументе в пользу того, что другим странам не надо сотрудничать с КНР ни по новей-

шим телекоммуникационным технологиям, ни по “Поясу и Пути”.

Далее Китай выводит идеологическую конфронтацию с США на международное пространство. Здесь он обыгрывает тему мультилатерализма, противопоставляя китайский “истинный” и “правильный” мультилатерализм (поскольку Китай не вмешивается во внутренние дела других стран) “неправильному” американскому, основанному, в китайской трактовке, на гегемонии и навязывании собственных политических и идеологических стандартов.

Безусловно признавая вклад КПК в поднятие жизненного уровня китайского народа, можно отметить и слабости китайской концепции “собственной” (“суверенной”) демократии. Главная из них, как это исторически и существовало в конфуцианской политической модели (подданные служат правителю, правитель заботится о подданных), связана с темой личности, ее прав и свобод. Китайские и историческая, и современная концепции ведут речь о “свободах и благах для народа”, не включая в свой идейный арсенал традиционную для западной философии, в том числе и философии классического марксизма, проблематику “свободы личности”.

Вместе с тем среди западных доброжелателей присутствует и стремление связать в позитивном плане нынешний Китай с конфуцианскими традициями. Осенью 2021 г. с подачи французского эпидемиолога, работающего в Шанхае, политическое пространство КНР пополняется новой идеей “цифрового конфуцианства”, которое объявляется более совершенной формой политического устройства, чем “демократический капитализм” [13]. По мнению французского ученого, объединение конфуцианских традиций подчинения человека государству с цифровыми технологиями и коммуникационными возможностями позволило Китаю “лучше справиться” с пандемией по сравнению с западными демократиями. Официальная китайская политико-пропагандистская машина, работающая на идеях Си о “социализме с китайской спецификой в современную эпоху”, безусловно, не может публично принять такую идею. Однако с удовольствием цитирует авторов “цифрового конфуцианства” в своих официальных СМИ [ист. 14].

В целом на нынешнем этапе формирования “новой биполярности” Китай фактически выводит противостояние с США на идеологической площадке на уровень прошлой холодной войны. Только теперь речь идет о разделении мира не по фактору отношения к частной собственности и теме эксплуатации “человека человеком”, а о “правильном” и “неправильном” понимании демократии

и мультилатерализма. При этом Китай рассчитывает на поддержку тех стран, которые подвергаются критике США за “авторитаризм”, “нарушение прав человека” и т. п.

ЭКОНОМИКА ЗАМЕДЛЕНИЯ

Китайская экономическая ситуация выглядит весьма благополучной. В начале года международные агентства прогнозировали рост ВВП КНР по итогам года на уровне 8%, правительство страны ставило цели в 6% прироста [14]. Поквартально, по сравнению с аналогичным периодом 2020 г., прирост ВВП в 2021 г. составил 18.3%, 7.9, 4.9 и 4.0% соответственно и в целом за год – 8.1%, учитывая относительно низкую базу 2020 г. и 18%-й прирост ВВП в первом квартале 2021 г. [ист. 15].

В то же время, что и проявилось на декабрьском совещании ЦК КПК по экономической работе, в среде китайских экономических экспертов и руководителей сформировались весьма пессимистичные взгляды на 2022 г.

Сохраняющиеся антиковидные ограничения и начинающийся переход к “зеленой” экономике могут нанести серьезный удар по малому и среднему бизнесу, на который приходится 60% китайского ВВП и 80% занятых. Их доступ к кредитам затрудняется. Инвестиционное доверие падает.

Наиболее острые проблемы в 2022 г. связаны со следующими факторами:

- падение спроса населения в условиях ковидных ограничений и китайской политики “нулевого ковида”, приводящего на практике к блокировке работы целых городов даже в случае единичных заражений. Люди значительно меньше тратят, чем раньше;

- рост цен на жилье;
- нарушение цепочек поставок товаров;
- рост цен на сырье;
- рост цен на транспортировку экспортно-импортных грузов вследствие удорожания фрахта;
- ошибки руководства экономикой на местах, которые, по китайским оценкам, были зафиксированы в половине всех китайских провинций.

На наш взгляд, главной проблемой сегодня является именно проблема управления и прежде всего проблема эффективного сочетания реформ, противоковидных мер, экологической политики. И именно от ее решения зависит, насколько Китаю удастся выйти на стабильное развитие в 2022 г.

На фоне экономической неопределенности нарастают социальные проблемы китайского

общества. В конце 2021 – начале 2022 г. в фокусе внимания китайского руководства оказалась проблема молодежной занятости, с решением которой Пекин связывает и решение стратегических задач развития экономики страны.

Китайские лидеры обращают внимание на две важнейшие, с их точки зрения, неважно связанные негативные тенденции в настроениях молодежи. Первая – потеря у молодого поколения интереса к работе и зарабатыванию денег. Все больше людей готовы пожертвовать высоким заработком ради личного свободного времени. Второе – готовность другой части молодых китайцев обменять высокооплачиваемую, но напряженную и рискованную работу в частном секторе на более спокойную и гарантированную, хотя и менее оплачиваемую работу в государственном.

В китайском правительстве существуют опасения того, что в случае развития этих тенденций частный сектор как главный фактор экономического роста может уже в ближайшем будущем понести непоправимые потери.

Рост настроений неопределенности и пессимизма в Китае, нарастание экономических, социальных, политических, внешнеполитических проблем происходят на фоне подготовки к 20-му съезду КПК. В 2022 г. китайское руководство будет, скорее всего, нацеливать свою работу на “сглаживание острых углов” и по возможности выправления ситуации в наиболее критических сферах занятости, внутреннего спроса, развития малого и среднего бизнеса, внешней политики. Продолжится жесткая линия, направленная на повышение роли КПК и власти лично Си Цзиньпина. Внешняя политика будет по-прежнему сосредоточена на поиске компромиссов с США по глобальным проблемам взаимной важности и в сфере торговли при одновременном ужесточении конфронтации в идеологии и борьбе за укрепление собственного “полюса” “новой биполярности”.

* * *

В связи с развитием событий на Украине Китай оказался в ситуации сложнейшего политического выбора.

Пекин не может прямо осудить Россию – его главного политического партнера в глобальном противоборстве с Соединенными Штатами. Отсюда критика и неприятие американских санкций против РФ, обвинения США в том, что своей политикой расширения НАТО именно они спровоцировали конфликт и продолжают нагнетать ситуацию распространением ложной информации (например, о просьбе России к КНР оказать ей военную помощь). Так же, как, по мнению Пекина, американская военная помощь Тайваню и на-

ращивание военного присутствия в Южно-Китайском море нагнетают напряженность в этом регионе. На Западе такую позицию Пекина трактуют как поддержку Москвы.

С другой стороны, Китай не может поддержать специальную военную операцию (СВО) против Украины, “примеряя” к себе (к своим проблемам сепаратизма Тайваня, Гонконга, Тибета) переход Крыма к России и отделение Донбасса. Отсюда открытая поддержка суверенитета и территориальной целостности Украины, не прямая, но весьма явная пикировка китайского министра иностранных дел Ван И, утверждающего, что только сам народ может давать характеристику своему режиму, с С. Лавровым, говорящим о том, что украинский режим недемократичный и нацистский [ист. 16].

В последние дни позиция Пекина, похоже, начинает постепенно меняться и не в сторону Москвы. Китай не столь определенно, но все же пытается дистанцироваться от конфликта, называя его проблемой европейской безопасности. Он продолжает критиковать санкции против России, но дает понять, что в этом вопросе его интересуют прежде всего китайские корпорации, которые, развивая сотрудничество с РФ, могут сами попасть под санкции и интересы которых КНР будет защищать. Китай начал предоставлять через Венгрию и Польшу гуманитарную помощь Киеву. Китайское руководство заявляет о том, что развивает и будет развивать нормальные экономические отношения и с Россией, и с Украиной.

В марте посол КНР в США — в ответ на американскую критику позиции Китая — заявил: происходящее на Украине — это не то, что Китай хотел бы видеть. И если бы он знал о начале СВО России, то сделал бы все, чтобы ее предотвратить [15].

В китайском обществе отношение к Украине и к китайской политике неоднозначное. В социальных сетях китайская молодежь поддерживает СВО России, проводя аналогии с Тайванем, с которым, по ее мнению, именно так и надо поступить. Официальные власти не пресекают это, но поясняют разницу между двумя ситуациями: Украина — суверенное государство, Тайвань — часть Китая.

Тем не менее, как отмечают гонконгские СМИ, китайское руководство блокирует мнения несогласных со СВО и китайской позицией [16]. В этой связи большой интерес в КНР и мире вызвала статья китайского политолога Ху Вэя, заместителя председателя Центра исследований общественной политики Государственного совета. Автор написал, что он ожидает, что Россия столкнется с огромными военными и экономическими проблемами на Украине, в то время как Китай станет более изолированным от мира, если не предпримет шагов по разрыву отношений с В. Путиным [17].

Однако, в чем мнение большинства китайских политологов совпадает, Китай ни при каких обстоятельствах не должен оказаться в том экономическом и внешнеполитическом положении, в котором оказалась сегодня Россия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Shalal Andrea, Martina Michael, Tian Yew Lun. Biden, Xi stick to their positions but turn down the heat in three-hour talk. *Reuters*, 16.10.2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/biden-raised-concerns-over-xinjiang-tibet-hong-kong-xi-warns-taiwan-red-line-2021-11-16/> (accessed 03.01.2022).
2. Wei Xu. CPC leadership sets tone for economic policy. *China Daily*, 07.12.2021. Available at: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202112/07/WS61ae9790a310cdd39bc79b05.html> (accessed 10.01.2022).
3. Lau Mimi. Ultra-leftist voices are making themselves heard in China, but at what cost? *South China Morning Post*, 24.12.2021. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3160864/ultra-leftist-voices-are-making-themselves-heard-china-what> (accessed 31.12.2021).
4. Xiangwei Wang. Why rising ultra-left nationalism is the biggest danger to China's development. *South China Morning Post*, 04.12.2021. Available at: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3158410/why-rising-ultra-left-nationalism-biggest-danger-chinas> (accessed 10.12.2021).
5. Myers Steven Lee, Sanger David E. U.S. — China Summit Produces Little More Than Polite Words, but They Help. *The New York Times*, 16.10.2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/11/16/world/asia/biden-xi-usa-china.html> (accessed 19.01.2022).
6. Cheung Olivia. Xi demands respect at the US—China virtual summit. *East Asia Forum*, 10.12.2021. Available at: <https://www.eastasiaforum.org/2021/12/10/xi-demands-respect-at-the-us-china-virtual-summit/> (accessed 10.01.2021).
7. Liu Natalie. US Climate Envoy Kerry Gets Cold Shoulder in China. *Voice of America*, 04.09.2021. Available at: https://www.voanews.com/a/usa_us-politics_us-climate-envoy-kerry-gets-cold-shoulder-china/6219223.html (accessed 12.12.2021).
8. Wang Amber. Beijing in no rush to take Taiwan by force, say Chinese government advisers. *South China Morning Post*, 20.11.2021. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3156666/beijing-no-rush-take-taiwan-force-say-chinese-government> (accessed 15.01.2022).
9. Haidar Suhasini. Quad summit and main issues on its agenda. *The Hindu*, 20.09.2021. Available at: <https://www.thehindu.com/news/international/five-main-issues-on-the-quad-agenda/article36562223.ece> (accessed 15.01.2022).

10. Hunnicutt Trevor, Holland Steve. At U.N., Biden promises “relentless diplomacy”, not Cold War. *Reuters*, 22.09.2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/un-biden-will-try-move-past-afghanistan-with-climate-china-focus-2021-09-21/> (accessed 12.01.2022).
11. Nye Joseph S. Jr. With China, a “Cold War” Analogy Is Lazy and Dangerous. *The New York Times*, 02.11.2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/11/02/opinion/biden-china-cold-war.html> (accessed 14.01.2022).
12. Helmy Nadia. Xi Jinping’s Global Development Initiative and the Sustainable Development Agenda of China-Africa in 2030. *Modern Diplomacy*, 30.11.2021. Available at: <https://modern diplomacy.eu/2021/11/30/xi-jinpings-global-development-initiative-and-the-sustainable-development-agenda-of-china-africa-in-2030/> (accessed 23.12.2021).
13. Zagury Guillaume, Underwood Laurie. How pandemic proves China’s ‘digital Confucianism’ is superior to the West. *South China Morning Post*, 16.09.2021. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3148797/how-pandemic-proves-chinas-digital-confucianism-superior-west> (accessed 10.01.2022).
14. Yao Kevin, Crossley Gabriel. China tops forecasts with 8.1% growth in 2021 but headwinds loom. *Reuters*, 17.01.2022. Available at: <https://www.reuters.com/markets/asia/chinas-q4-2021-gdp-grow-faster-than-expected-2022-01-17/> (accessed 18.01.2022).
15. Wang Amber. “China would have tried to stop Ukraine war if it knew”: Beijing envoy to US denies collusion with Russia. *South China Morning Post*, 16.03.2022. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3170648/china-would-have-tried-stop-ukraine-war-if-it-knew-beijing> (accessed 17.03.2022).
16. Rui Guo. Chinese critics of Russian attack on Ukraine frightened to speak out. *South China Morning Post*, 10.03.2022. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3169876/chinese-critics-russian-attack-ukraine-frightened-speak-out> (accessed 11.03.2022).
17. Lau Mimi. Ukraine war: China risks isolation if it doesn’t distance itself from Russia, says Shanghai academic. *South China Morning Post*, 14.03.2022. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3170421/ukraine-war-china-must-cut-ties-russia-within-weeks-or-become> (accessed 15.03.2022).

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. (受权发布) 中国共产党第十九届中央委员会第六次全体会议公报. *Xinhua*, 11.11.2021. (Authorized release) Communiqué of the 6th Plenary Session of the 19th Central Committee of the Communist Party of China. *Xinhua*, 11.11.2021. (In Chin.) Available at: http://www.xinhuanet.com/2021-11/11/c_1128055386.htm (accessed 05.01.2022).
2. China issues white paper on its democracy. *Xinhua*, 04.12.2021. Available at: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202112/04/content_WS61aae34fc6d0df57f98e6098.html (accessed 10.01.2022).
3. China’s children start first day schooled in “Xi Jinping thought”. *The Guardian*, 01.09.2021. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2021/sep/01/chinas-children-start-first-day-schooled-in-xi-jinping-thought> (accessed 23.12.2021).
4. 2021年中国外交: 秉持天下胸怀, 践行为国为民 – 在2021年国际形势与中国外交研讨会上的演讲. Ministry of Foreign Affairs of China. 20.12.2021. *China’s Diplomacy in 2021: Embracing a Global Vision and Serving the Nation and its People. Speech at the Symposium on the International Situation and China’s Foreign Relations in 2021.* Ministry of Foreign Affairs of China. 20.12.2021. (In Chin.) Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/202112/t20211220_10471837.shtml (accessed 23.01.2022).
5. China dials down Xi’s personality cult as criticism mounts. *Nikkei Asia*, 24.07.2018. Available at: <https://asia.nikkei.com/Politics/China-dials-down-Xi-s-personality-cult-as-criticism-mounts> (accessed 10.01.2022).
6. 习近平主持召开中央财经委员会第十次会议强调 在高质量发展中促进共同富裕 统筹做好重大金融风险防范化解工作 李克强汪洋王沪宁韩正出席. *Xinhua*, 17.08.2021. Xi Jinping presided over the 10th meeting of the Central Financial and Economic Commission, stressing promoting common prosperity in high-quality development and coordinating the prevention and resolution of major financial risks. The meeting was also attended by Li Keqiang, Wang Yang, Wang Huning, Han Zheng. *Xinhua*, 17.08.2021. (In Chin.) Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-08/17/c_1127770343.htm (accessed 23.12.2021).
7. Xi, Biden pledge to steer China-US relations back on right track. The State Council. The People’s Republic of China. 17.11.2021. Available at: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202111/17/content_WS6193dc27c6d0df57f98e50ef.html (accessed 20.12.2021).
8. Readout of President Biden’s Virtual Meeting with President Xi Jinping of the People’s Republic of China. The White House. 16.11.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/11/16/readout-of-president-bidens-virtual-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china/> (accessed 12.11.2021).
9. Joint Statement of the Leaders of the Five Nuclear-Weapon States on Preventing Nuclear War and Avoiding Arms Races. The White House. 03.01.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/01/03/p5-statement-on-preventing-nuclear-war-and-avoiding-arms-races/> (accessed 10.01.2022).
10. Remarks by President Biden on America’s Place in the World. The White House. 04.02.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (accessed 10.05.2021).

11. China Executive Brief | Open to Autarky: China's Coming 5-Year Plan. *Asia Society*, 24.02.2021. Available at: <https://asiasociety.org/australia/china-executive-brief-open-autarky-chinas-coming-5-year-plan> (accessed 12.01.2022).
12. Blinken extends congratulations on China's National Day. *Xinhuanet*, 01.10.2021. Available at: http://www.news.cn/english/2021-10/01/c_1310221409.htm (accessed 23.12.2021).
13. *China issues white paper on its democracy*. The State Council. The People's Republic of China. 04.12.2021. Available at: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202112/04/content_WS61aae34fc6d0df57f98e6098.html (accessed 10.01.2022).
14. Pandemic proves Western-style democratic capitalism not best sociopolitical model: experts. *Xinhuanet*, 18.09.2021. Available at: http://www.news.cn/english/2021-09/18/c_1310196257.htm (accessed 13.12.2021).
15. *Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2021 National Economic and Social Development*. National Bureau of Statistics of China. Available at: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed 22.03.2022).
16. Russian Federation, High-Level Segment – 4th Meeting, 49th Regular Session Human Rights. *UN Web TV*, 01.03.2022. Available at: <https://media.un.org/en/asset/k1z/k1zgu51jh9> (accessed 20.03.2022).